

УДК 82-31

DOI: 10.17223/19986645/57/11

А.О. Задорина

**РАННИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И СОЦРЕАЛИЗМ:
ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В РОМАНЕ Л. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»**

Исследуются различные стилевые начала в творчестве Л.М. Леонова, авторская манера которого формировалась под влиянием литературных направлений и философских концепций на протяжении всего XX в. В рамках мотивного анализа романа «Русский лес» раскрываются связи Леонова с течением традиционалистов, ратующих за возвращение к корням, восстановление прежней гармонии человека и природы, актуализацию исконных ценностей. Прочтение романа с этой точки зрения позволяет оценить прогностический потенциал художника, его позицию по отношению к проблеме сохранения национального достояния.

Ключевые слова: художественный метод, соцреализм, традиционализм, Русский Север, национальное достояние.

Религиозно-мифологический дискурс как важнейший источник идей, мотивов в искусстве привлекает современных художников не в меньшей степени, чем столетия назад. Кризис традиционных ценностей, характеризующий современную эпоху, эпистемологическая неуверенность лишают личность защиты от хаоса внешнего мира. Это дает возможность в новом формате культуры внедрять подвижные (интуитивные) модели и практики в систему человеческого познания для выхода из онтологического тупика, в котором оказались сегодняшний мир и человек. Безумию настоящего и стараются противопоставить гармонию мифологического.

Мифопоэтический пласт особенно популярен в литературах, ориентированных на корневые национальные ценности, ибо «препятствует ассимиляционному давлению, возвращает к истокам» [1. С. 31]. Поэтому в литературе 1960-х гг. актуализация данных мотивов во многом связана с текстами «деревенской прозы», где мистические вселенные гибнут вместе с героями, для которых данные миры были единственно необходимы. В произведениях ортодоксального соцреализма эти вселенные показаны самоотрицающей фикцией (монашеский скит в леоновском романе «Соть» – это и заповедное место [2. С. 36], и загнивающее прошлое, сопровождающееся моральным падением монашеской братии [3. С. 31]). Таким образом, тексты, созданные в рамках разных художественных методов и реконструирующие разные картины мира, обнаруживают очевидное сходство в оценке результатов происходящих процессов.

В связи с этим особый интерес представляют «пограничные» произведения, стилевая принадлежность которых не является безусловно очевидной,

вследствие тонкого сочетания признаков самого разного порядка. По тонкому замечанию Н. Полтавцевой, решение вопроса о восприятии художественного текста, его жанровой и стилевой принадлежности определяется не только и не столько спецификой самого произведения, но, скорее, действующей научной парадигмой, «принципиально амбивалентной возможностью интерпретации советского текста» [4. С. 328]. Однако вопрос о способе получения результата имеет значение, ничуть не меньшее, чем сам результат, так как именно в этом случае возможно приблизиться к тайне художника.

В ряду подобных, недифференцированных, текстов свое место занимает роман Л. Леонова, «Русский лес» (1953). Многогранность творчества писателя, сочетающего модернистские, соцреалистические и традиционалистские компоненты, отмечалась давно и большинством исследователей; сегодня ученые все чаще говорят о глубококом национальном подтексте всех произведений мастера, среди которых особое значение придается уже не только «Пирамиде», но и «Русскому лесу». Рассматривая последний в рамках натурфилософской прозы (как можно понять из содержания монографии, еще один вариант обозначения деревенской, традиционалистской литературы), А. Смирнова подчеркивает, что «Русский лес» в этом отношении стал «знаковым произведением», «точкой отсчета» в теме «человек и природа» в русской литературе середины XX в. [5. С. 5]. По словам Т. Вахитовой, роман «являет собой пример постижения философских глубин национальной жизни, художнического предвидения усложняющихся отношений человека и природы» [6. С. 73].

Дискуссия о лесе, развернувшаяся в стране в 20–50-е гг. XX в., отразила сложное отношение советского общества к природным ресурсам. Для новокрестьянских поэтов во главе с Н. Клюевым лес оставался Храмом, писавшейся веками Великой книгой; им противостояли сторонники утилитарного подхода, во главе которых мог бы быть, по мнению Е. Марковой, Увадьев из леоновской «Соти». Для Увадьева «лес – это сырье, из него сделают бумагу и напишут новую Книгу – букварь для девочки Кати» [7. С. 204]. Исследовательница полагает, что «желал того Леонов или нет, но он заложил новый подход в изображении леса как сырья, «зеленого золота», на добычу которого следует бросить все ресурсы» [Там же. С. 205]. Отметим не менее важный факт: этим сырьем был не только лес, но и люди: перед читателем в романе не великий народ, духовному достоянию которого мог бы позавидовать целый мир, а подневольные рабочие и «пережитки прошлого» – монахи.

Роман «Русский лес» является неотъемлемой частью дискуссии о лесе и отражает существовавшую неоднозначность оценок и неоднородность мнений об использовании природных богатств страны. Герои произведения воплощают полярные взгляды на вопрос о лесе – взгляды производителей и хранителей. Вихрову жаль заповедных чащ, но в спорах о судьбе леса с тем же Грацианским он всегда терпит поражение: его аргументация, эмоциональная, вдохновенная, рассыпается, столкнувшись с демагогическими уловками противника. В то же время Вихров осознает, что факт насущной потребности государства в лесных ресурсах для большинства весомее духовной связи челове-

ка с миром природы – вырубка лесов не прекращается; в своей лекции он горестно говорит студентам: «За пять ближайших лет вы получите навыки и знания, оправдывающие ужасную, разящую силу топора» [8. С. 305]; «Совершенно ясна разница между вчерашними лесными тратами, служившими обогащению немногих, и нынешними – на благо поколений. Все жертвы святы в борьбе за советское дело» [Там же. С. 337].

Споры о стилевой принадлежности романа, о мировоззренческой позиции автора продолжают по сей день. Связь романа Леонова с соцреалистической концепцией (хотя бы в рамках «изображения правдивого, исторически конкретного изображения действительности в революционном развитии») отмечалась неоднократно, свою роль сыграло и получение за него автором Ленинской премии. «Лакированность», характерную для соцреалистических текстов второй половины XX в., З. Прилепин наблюдает и в «Русском лесе»: «Предвоенная Советская Россия в подаче Леонова... начинает сиять, как асфальтовая дорога, политая в июньский день серебряной водой из поливальной машины» [9. С. 385]. В аналитической работе М. Литовской указывается, что после 40-х гг. XX в. важнейшими обязательными свойствами соцреалистических текстов становятся «народность и партийность» [10. С. 20], что актуализирует в существующей системе жанров советский роман воспитания («Молодая гвардия» А. Фадеева), социально-идеологический роман («Русский лес» Л. Леонова), исторический роман, народную эпопею. Еще один из характерных признаков метода – тип основного конфликта. По словам С. Сухих, «спор Вихрова и Грацианского возник и развивался в условиях строящегося социализма (и не мог возникнуть ни в каких других условиях)» [11. С. 323], а если вынести это противостояние с личного плана на внешний, то врагом Вихрова становится «капиталистическое безоглядное разбазаривание природных ресурсов» [Там же. С. 326].

На наш взгляд, хотя все эти наблюдения справедливы и имеют место, но говорить о них на фоне существующей разногласицы в определении самого понятия «соцреализм» можно с немалой долей условности. В «Русском лесе» представлена не совсем типичная для данного метода картина мира: лекции лесника Вихрова в унисон вторят клюевским гимнам, посвященным Матери-Природе, положительные герои встают на защиту леса. Как считает Е. Маркова, внутри этой лекции «дверь в литературную дискуссию – в борьбу за национальные истоки Русского Слова, в борьбу за свое национальное достоинство» [7. С. 214]. Новое обращение отечественной словесности середины века к национальным корням обусловлено в целом изменением историко-политического контекста. Сталинские репрессии, общегосударственный кризис, война, повсеместное горе, тяжелая, с огромными жертвами, победа, которой не было бы без титанической борьбы русского народа, – все это по-своему объясняет поворот художественного интереса к истокам, своей Отчизне. В записях Л. Леонова читаем: «Это память национальная о самих себе, начиная с колыбели, скрепленная мыслью и подвигом прежних, давно закопанных поколений»

[12]. Чтобы не повторять былых трагедий, необходимо понимать свой народ, знать и ценить его прошлое. Безусловно, данное высказывание тесно связывает его автора с идеологией традиционализма.

Не случайно именно Леонову посвящает В. Астафьев свою повесть «Стародуб» – поиски истинно русского, размышления о сущности народа, одухотворение мира природы были присущи этому мастеру изначально. Само посвящение свидетельствует о признании Л. Леонова «идейным вождем всего поколения традиционалистов» [13. С. 79]; о Л. Леонове как писателе-традиционалисте, обращенном к духовным ценностям русского народа, пишет Т. Вахитова [14].

Необходимо отметить, что само понятие «традиционализм» в литературе складывалось стихийно, вопрос о его художественном статусе остается дискуссионным, он, в частности, активно обсуждался на Международном научном семинаре «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» (Красноярск, 2015). В итоговом обзоре этого семинара встречается следующее умозаключение: «В строго научном отношении исследование художественного традиционализма позволяет выявить корпус идей, мифологем и архетипов; концептуализировать историю становления, развития данного направления» [15. С. 88]. Построения художников-традиционалистов часто находятся в непрерывном диалоге с религиозно-нравственными учениями старообрядчества и национальными культурными мифами, составляющими мировоззренческое ядро текста. Культурные мифы определяют как «своеобразные скрепы, соединяющие не только мирообразы различных жанров, но и различные литературные направления» [16. С. 6], как мифы, пришедшие к нам не в готовом виде из доисторических времен, а «складывающиеся на исторической почве» [17. С. 103]. Одной из таких мифологем является образ Русского Севера как символ сохраненного национального начала, что обусловлено в первую очередь отдаленностью от стремительно развивающейся цивилизации. Подчеркнем, многие писатели-традиционалисты рассматривают Русский Север как испытывающее, инициальное пространство, в описании которого сочетаются реальные и мистические черты.

К образу Русского Севера Л. Леонов обращался начиная с первых рассказов («Гибель Егорушки», 1922) [18], где очевидно сильное влияние на него крестьянской поэзии. В романе «Русский лес» (1953) этот образ раскрывается наиболее многогранно, в призме экологической, социальной и нравственной проблематики, и в тексте последовательно представлены все в дальнейшем разрабатываемые традиционалистами сюжетные линии.

В творчестве Л. Леонова национальный миф воплощается с характерным разворотом в миф «русского леса», что присуще В. Астафьеву, С. Залыгину, позднему В. Шукшину, в сказке которого «До третьих петухов» Русь изображена в образе дремучего леса. У Л. Леонова читаем: «Мы выросли в лесу, и, пожалуй, ни одна из стихий родной природы не сказалась в такой степени на бытовом укладе наших предков» – эти слова писателя можно назвать по-своему ключевыми [19. С. 68–69]. Проводником главно-

го героя романа, Ивана Вихрова, в поэтический мир природы становится старец Калина Тимофеевич, хранитель леса. Именно по дороге к нему, еще ребенком, будущий ученый-лесник начинает воспринимать лесное пространство как чудесное. У этих одухотворенных пределов есть своя архитектура: страшный Облог, «край света» [8. С. 74], выступает как граница между мирским и сакральным, неведомым началом. Путешествие к «дедушке Калине» Вихров воспринимает именно как «вызов всем темным силам леса и ночи». Но переход за эту границу приводит мальчика к «великой святыне» – роднику, главному сокровищу Пустошей, т.е. преодоление страха перед неведомыми темными силами выступает в качестве своеобразной инициации юного отрока.

В происхождении главных положительных героев общей чертой является то, что все они выходцы из старообрядческого поселения, живут и молятся по-своему просто, к жизненным неурядицам относятся смиренно и кротко. Идея аскезы в миру реализуется вначале в образе Калины Тимофеевича, а впоследствии и Вихрова-старшего. Автор с легкой иронией описывает «царское имущество» лесного богатыря: «холстинковый рушничок у входа, бараний кожух на гвозде, дымарь и топорщище» [Там же. С. 75]. Единственное, что отмечается из обстановки его юными посетителями, – «на двери чернел углем начертанный крест» [Там же. С. 83].

Сам Вихров, став уже известным лесоведом, сохраняет привычную скромность в быту. Автор, обыгрывая читательские ожидания, поначалу называет служебную квартиру Вихрова «аппартаментами» [Там же. С. 37], но, следуя за дочерью главного героя, мы оказываемся в самом что ни на есть скромном жилище. Возле двух каменных четырехэтажных зданий, чуть «на отлете», стоит дом «победнее, о двух этажах, деревянный». На втором этаже постройки Поля останавливается «у самой невзрачной двери без ожидаемой медной таблички с научными титулами Вихрова» – и не ошибается.

Дверь открывает сестра Ивана Матвеича, Таисия, «в темном, пораскольникови распушенном на плечи платке, как недавно подвязывались все пожилые крестьянки на Енге» [Там же. С. 38]. Девушка, изначально настроенная враждебно по отношению к отцу, шедшая сказать, «что выросла и стоит перед ним налицо, так что не было с маминой стороны какого-либо вымогательства, скажем, на мертвенькую», чувствует себя в этой обстановке неловко, обвинения свои – невозможными: все здесь исполнено искренней нравственности, черты которой присущи и молодому поколению, готовому до конца защищать свою Родину, в частности самой Поле Вихровой.

Одной из главных трагедий в сознании Вихрова-старшего становится гибель мифологического лесного пространства, символизирующего судьбу России в целом. Герой не может поверить в то, что вековая природа, привычная и трансцендентная одновременно, вдруг исчезнет под топорами. Кульминацией становится рубка сосны-матери леса, в сени которой было когда-то сложено жилище Калины. Дерево здесь, как и листвен в «Прощании с Матерой», является связующим стержнем между небом и землей, его гибель неминуемо ведет к падению небес на землю, разрушению рая.

С гибелью заветной сосны связана и десакрализация образа Калины, бывшего в сознании местных ребят святым. На удивление, он не пытается спасти лес от страшной сечи под руководством Кнышева, а, быстро пьянея, жалобно рассказывает всем собравшимся о своей прежней жизни. Эта сцена, выступая своеобразной метафорой будущего страны, очень показательна. Н. Непомнящих отмечает: «За судьбой Калины и русского леса начинается проступать судьба самой России» [20. С. 289]. Известный факт, что и в частной беседе с А. Овчаренко Леонов говорил в том же духе: «Россию спилили, как дуб...» [21. С. 254].

Но Леонов не останавливается на использовании мотива, одного из характернейших для традиционалистской прозы, он вводит в повествование героев-миссионеров, посвящающих жизнь сохранению национального достояния. Уже тогда, заступившись за лес, пытаясь дать отпор губителю Кнышеву, Вихров встает на стезю хранителя лесного мифа – и всю жизнь посвящает его защите. Интересно, что в леоновском сюжете параллельно борьбе за эту культурную традицию проходит нешуточная битва за другую. Ее центральными фигурами становятся Поля и Сережа Вихровы, готовые пожертвовать жизнью за Родину, находящуюся в огне противостояния фашизму.

В статье мы рассматриваем одно из самых значимых произведений отечественной литературы XX в., художественный статус которого до сих пор не определен окончательно, как и истинная позиция его создателя. С одной стороны, общеизвестны лояльность Л. Леонова к советской идеологии, конъюнктурные тексты и высказывания; с другой – в романе, удостоенном Ленинской премии в 1957 г., очевидны обращение к национальным истокам, борьба за сохранность традиционного и мифологического знания. Подобно другим произведениям раннего традиционализма, в «Русском лесе» формируются и разрабатываются основы мифологемы Русского Севера как места, сохранившего духовное ядро всей русской культуры, тем самым закрепляя мифы русского мира.

Безусловно, наличие традиционалистских мотивов в романе Л. Леонова не исключает соцреалистического метода повествования, напротив, присутствие отдельных элементов соцреализма не определяет всецело стилевую принадлежность текста. Очевидно, можно согласиться со словами Х. Гюнтера, что «в фазе деканонизации» (1953–1970 гг.) наблюдается «необратимая тенденция к расширению» художественных задач [22. С. 278], что позволяет соединять в одном произведении разные стилевые и даже идеологические начала.

Литература

1. Киселев В.С. Мультикультурализм в литературном измерении: проблемы и перспективы развития в российском литературоведении // Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX в. Томск, 2011. 307 с.
2. Вахитова Т.М. Картина мира в прозе Леонида Леонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8, вып. 5. 2006. С. 32–40.

3. Задорина А.О. Мотивный комплекс, восходящий к текстам Священного Писания, в романе Л.М. Леонова «Пирамида»: дис. ... канд. наук. Красноярск, 2012. 176 с.
4. Полтавцева Н. «Ряд волшебных изменений милого лица»: соцреализм в современном дискурсе о советском // Труды русской антропологической школы. 2009. № 6. С. 327–339.
5. Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века. М.: Флинта-Наука, 2012. 289 с.
6. Вахитова Т.М. Леонид Леонов: жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1984. 128 с.
7. Век Леонида Леонова: Проблемы творчества. Воспоминания. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 399 с.
8. Леонов Л.М. Русский лес. М.: Современник, 1973. 796 с.
9. Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия. 2010. 576 с.
10. Литовская М.А. Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. С. 14–21.
11. Сухих С.И. Специфика конфликта в романе «Русский лес» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 323–329.
12. Леонов Л.М. Раздумья у старого камня. URL: <http://www.leonid-leonov.ru/razdumia-u-starogo-kamnya.htm>
13. Ковтун Н.В. Природа и религия как основа жизненного уклада в повести В. Астафьева «Стародуб» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 1 (5). С. 71–82.
14. Вахитова Т.М. Картина мира в прозе Леонида Леонова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 15–26.
15. Ковтун Н.В. Современный русский традиционализм: итоги и перспективы // Филологический класс. 2015. № 4 (42). С. 87–90.
16. Приказчикова Е.Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. 528 с.
17. Эпштейн М. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX вв. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
18. Zadorina A.O. The Mythologem of the North in the Early Works of L.M. Leonov (on the Example of the Story “the Death of Egorushka”) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5. (2014. 7). P. 778–789.
19. Головашин В.А. Очерки истории русской культуры (Культурология). Тамбов, 2004. Ч. 2. С. 68–69.
20. Непомнящих Н.А. Древо – Россия: Истоки мотива поваленного дерева у Л.М. Леонова // Материалы VI Междунар. науч. конф. «Образ России в отечественной литературе: От “Слова о Законе и Благодати” митрополита Иллариона до “Пирамиды” Л.М. Леонова: движение к многополярному миру», 9–11 сентября 2009 г. Ульяновск, 2009. С. 288–296.
21. Овчаренко А.И. В кругу Леонида Леонова: Из записок 1968–1988 годов. М.: Московский интеллектуально-деловой клуб, 2002. 296 с.
22. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон. СПб.: Гуманитарное агентство: Академический проект, 2000. С. 267–278.

Early Traditionalism and Socialist Realism: The Problem of Artistic Interaction in Leonid Leonov's *The Russian Forest*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 182–190. DOI: 10.17223/19986645/57/11

Alena O. Zadorina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: amaltea-20x@yandex.ru

Keywords: literary method, socialist realism, traditionalism, Russian North, national treasure.

The works of Leonid Leonov cover the greater part of the twentieth century. They increasingly attract the attention of modern researchers, with “borderline” works, whose style is not absolutely obvious, being of particular interest. For instance, the novel *The Russian Forest* (1953) became the writer’s literary response to the discussion about the forest developed in the USSR in the 1920s–1950s. Disputes about the connection of *The Russian Forest* with this or that literary direction, about the ideological position of its author continue to the present.

This article aims to analyze the interaction of the literary trends of socialist realism and traditionalism in *The Russian Forest*, and to comprehend the nature of their literary embodiment. The sign of the socialist realistic method in the novel is the type of the main conflict; the sign of the traditionalist writing is the pathos of the work (the idea of national identity).

To achieve the aim, the following objectives were set: (1) to investigate the grounds for identifying *The Russian Forest* as socialist realism; (2) to justify attributing Leonid Leonov to traditionalist writers; (3) to identify the features of natural philosophical prose in *The Russian Forest*; (4) to show the interaction of socialist realistic and traditionalist elements in the work.

The material of the study was Leonov’s novel *The Russian Forest*, awarded with the Lenin Prize in 1957. The work raises problems significant for the middle of the 20th century: struggle against fascism, development of the economy, preservation of the country’s natural wealth. Except for the first point, these issues remain relevant in modern Russia.

The methodological basis of the study was works devoted to the analysis of the poetics of socialist realism (L. Geller, H. Günther, M.A. Litovskaya) and traditionalism (N.V. Kovtun, A.I. Smirnova). Works by L.P. Yakimova, T.M. Vakhitova, N.A. Nepomnyashchikh were also significant for understanding Leonov’s ideological position. Methods of research are structural typological, motif analysis.

In the course of the study, the signs of socialist realism were identified in Leonov’s novel. First of all, it is the type of the main conflict and the genre specificity (*The Russian Forest* is an upbringing novel that forms national identity and partisanship in the readers). Some works mention the gloss of Leonov’s text. Among the characteristic features of a traditionalist writing is the pathos of the work (the idea of national identity), the appeal to national cultural myths. The main attention is paid to the myth of the “Russian forest”, the keeper of which is the main character of the novel, the scientist Vikhrov. The image of the forest expert Vikhrov is revealed through the use of such typical traditionalist motifs as the motifs of initiation, the way to the shrine, asceticism, the struggle to preserve the national heritage.

As a result of the study, it should be recognized that the presence of traditionalist motifs in Leonov’s novel does not exclude the socialist realistic method of narration, and, on the contrary, the presence of individual elements of socialist realism does not completely determine the style of the text: the multifacetedness of the literary design allows to combine different stylistic and even ideological principles in one work.

References

1. Kiselev, V.S. (2011) *Mul'tikul'turalizm v literaturnom izmerenii: problemy i perspektivy razvitiya v rossiyskom literaturovedenii* [Multiculturalism in the literary dimension: problems and development prospects in Russian literary studies]. In: Rybal'chenko, T.L. (ed.) *Problemy natsional'noy identichnosti v russkoy literature XX v.* [Problems of national identity in Russian literature of the twentieth century]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Vakhitova, T.M. (2006) *Kartina mira v proze Leonida Leonova* [Picture of the world in prose by Leonid Leonov]. *Vestnik VolGU. Seriya 8 – Science Journal of Volgograd State University. Series 8*. 5. pp. 32–40.
3. Zadorina, A.O. (2012) *Motivnyy kompleks, voskhodyashchiy k tekstam Syvashchennogo pisaniya, v romane L.M. Leonova “Piramida”* [The motive complex, which goes back to the texts of the Scripture, in L.M. Leonov’s “Pyramid”]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

4. Poltavtseva, N. (2009) "Ryad volshebnykh izmeneniy milogo litsa": sotsrealizm v sovremennom diskurse o sovetskom ["A series of magical changes of a dear person": social realism in modern discourse about the Soviet]. *Trudy russkoy antropologicheskoy shkoly*. 6. pp. 327–339.
5. Smirnova, A.I. (2012) *Russkaya naturfilosofskaya proza vtoroy poloviny XX veka* [Russian natural philosophical prose of the second half of the twentieth century]. Moscow: Flinta-Nauka.
6. Vakhitova, T.M. (1984) *Leonid Leonov. Zhizn' i tvorchestvo* [Leonid Leonov. Life and creative work]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Savateev, V.Ya. (2001) *Vek Leonida Leonova. Problemy tvorchestva. Vospominaniya* [The age of Leonid Leonov. Problems of creativity. Memories]. Moscow: IWL RAS.
8. Prilepin, Z. (2010) *Leonid Leonov. "Igra ego byla ogromna"* [Leonid Leonov. "His game was huge."]. Moscow: Molodaya gvardiya.
9. Litovskaya, M.A. (2008) Sotsialisticheskiy realizm v literature XX veka [Socialist realism in the literature of the twentieth century]. *Filologicheskiiy klass*. 19. pp. 14–21.
10. Sukhikh, S.I. (2010) The Peculiarity of the Conflict in L. Leonov's Novel "The Russian Forest". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 6. pp. 323–329. (In Russian).
11. Leonov, L.M. (1968) *Razdum'ya u starogo kamnya* [Meditations at an old stone]. [Online]. Available from: <http://www.leonid-leonov.ru/razdumia-u-starogo-kamnya.htm>.
12. Kovtun, N.V. (2009) Nature and Religion as Base of Lifestyle in V. Astafjev's "Starodub". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (5). pp. 71–82. (In Russian).
13. Vakhitova, T.M. (2005) *Kartina mira v proze Leonida Leonova* [Picture of the world in prose by Leonid Leonov]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. pp. 15–26.
14. Kovtun, N.V. (2015) Modern Russian traditionalism: results and prospects. *Filologicheskiiy klass*. 4 (42). pp. 87–90. (In Russian).
15. Prikazchikova, E.E. (2009) *Kul'turnye mify v russkoy literature vtoroy poloviny XVIII – nachala XIX veka* [Cultural myths in Russian literature of the second half of the 18th – beginning of the 19th centuries]. Yekaterinburg: Ural State University.
16. Epshteyn, M. (1988) *Paradoksy novizny: O literaturnom razvitiy XIX–XX vv.* [Paradoxes of novelty: On the literary development of the nineteenth and twentieth centuries]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
17. Zadorina, A.O. (2014) The Mythologem of the North in the Early Works of L.M. Leonov (on the Example of the Story "the Death of Egorushka"). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 5 pp. 778–789.
18. Golovashin, V.A. (2004) *Ocherki istorii russkoy kul'tury (Kul'turologiya)* [Essays on the history of Russian culture (culture studies)]. Pt. 2. Tambov: Tambov State Technical University. pp. 68–69.
19. Leonov, L.M. (1973) *Russkiy les* [The Russian Forest]. Moscow: Sovremennik.
20. Nepomnyashchikh, N.A. (2009) [Tree – Russia: The Origins of the Motive of a Fallen Tree in L.M. Leonov]. *Obraz Rossii v Otechestvennoy literature: Ot "Slova o Zakone i Blagodati" mitropolita Illariona do "Piramidy" L.M. Leonova: dvizhenie k mnogopol'yarnomu miru* [The Image of Russia in Russian Literature: From the "Word of Law and Grace" by Metropolitan Hilarion to "The Pyramid" by L.M. Leonov: A move towards a multipolar world]. Proceedings of the VI International Conference, 9–11 September 2009. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. pp. 288–296. (In Russian).
21. Ovcharenko, A.I. (2002) *V krugu Leonida Leonova. Iz zapisok 1968–1988 godov* [In the circle of Leonid Leonov. From the notes of 1968–1988]. Moscow: Moskovskiy intellektual'no-delovoy klub.
22. Günther, H. (2000) Zhiznennyye fazy sotsrealisticheskogo kanona [The life phases of the socialist realist canon]. In: Günther, H. (ed.) *Sotsrealisticheskiy kanon* [Socialist realist canon]. St. Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo: Akademicheskiiy proekt.